

Дүкморьє Гити

Наталья Носкова

ЛитРес:

Сказка на новый лад

Наталия Носкова Лукоморье Сити

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68627665

SelfPub; 2022

Аннотация

Волшебным персонажам нелегко выживать в современном мегаполисе. Вот и нашей героине – молодой Кикиморе – приходится встать на защиту своего дома. В этом ей помогут друзья. Строительная компания давно хочет прибрать к рукам это место. Удастся ли спасти Чашобу?

Наталия Носкова

Лукоморье Сити

Кого сейчас удивишь чудесами?

У всех дома и в кармане разные электрические короба, которые за людей почти все делают.

Человек и не заметит, если чудо сотворить прямо у него под носом. Да и не верит никто уже в волшебство, даже вершить его не хочется. А я могу, ещё как!

Я ведь Кикимора, да ещё и болотная в придачу. Правда владения мои невелики, осталось маленькое болотце в лесочке. Да и то цело только потому, что люди это место парком назвали и пока что не трогают, а только гуляют и шумят.

А вот раньше... Раньше всё по-другому было.

Я молодая ещё, мне всего 350 лет, но и я помню безлюдные времена. На месте нынешнего парка были дремучие леса, непроходимые болота, можно было, не выходя из леса, попасть очень далеко, всю родню навестить.

Потом поселений людей стало становится всё больше, деревья срубали, пахали землю, засевали поля. Но люди всё ещё боялись и уважали нас, силы природы. Весело было их поугатать иногда. Казалось, что всё так и останется.

Но сейчас, сидя в своем болотце десяти саженой в длину, я понимаю, что что-то пошло не так. Упустили, расслабились.

и теперь нам, городским духам, грозит полное исчезновение.

Была я недавно в гостях у своей двоюродной бабки, Кикиморы из заповедника. Вот там раздолье, настоящий лес, а болота, болота какие! Загляденье. Никто на них не покушается, зверье не стреляет, людей там почти не бывает. Раздолье одним словом.

Бабушка сказала, что цвет лица у меня нездоровый, белею я, а должен быть зелёный, как у порядочной Кикиморы. Да где там. В городской водичке-то неизвестно что намешано.

Звала она меня к себе жить. Но не могу я бросить свое болотце! Почти всю жизнь тут живу, это же мой дом. Буду держаться до последнего.

В округе наших мало осталось. Раньше рядом Водяной жил, а теперь и он ушёл. Когда засыпали его пруд под строительство многоэтажного дома, он совсем раскис и чуть было не исчез.

Ведь самое страшное для волшебного персонажа это перестать верить в волшебство. «Что же это такое делается, Кикиморушка? Как так получилось, что нас, таких древних и таких волшебных, одолели люди?»

И ведь не знаешь как ему помочь. Но он взял себя в руки и решил действовать. Навёл морок на главу префектуры и устроился работать Инспектором водоохраны. Кому, как не ему беречь водоёмы?

Видела его недавно – ходит в пиджаке и с портфелем. И не скажешь, что у него рыбий хвост на самом деле.

Вообще то многие из наших к людям подались. Наводят морок и живут среди них. Леший вот в лесничие пошёл, ему и морочить то почти не пришлось никого. Как увидели, сразу взяли на работу. Вы нам подходите, говорят. Да только лесом то назвать его владения язык не повернётся. Так, пара сотен гектаров лесопарка.

А Домовых стало не хватать! Вот кому единственно от города польза. Раньше как – стояло несколько домов. А теперь на их месте высоченное здание на триста квартир. Это же не напасёшься Домовых, так что они могут выбирать к кому идти жить. Правда не особо им в квартирах нравится. «Бетонная коробка в воздухе висит, земли не чуем!». Но ничего, приспособливаются. Я им даже немного завидую.

Так и получилось, что в этом году я одна осталась из наших в своём естественном виде. Место это в народе прозвали Чащобой, потому как лес вокруг хоть и не большой, но густой, можно и заблудиться с непривычки (особенно если Леший или я не в настроении).

Но и на моё болото уже покушаются. Видела на обрывках газет, что хотят этот парк сравнять с землёй, а на его месте построить жилые дома. Да и слышу, как местные жители переговариваются, пока гуляют в парке. Никому не нравится эта идея, все хотят сохранить парк.

Вот так, приходится вникать в людские дела, потому что от них завишу и я.

На дворе сейчас середина мая, самое благодатное время.

В такие дни я особенно люблю своё болотце. Все растёт, зацветает, загляденье и даже нет мысли о том, чтобы уехать отсюда.

Сегодня пятница, народу в парке под вечер много. Ну и шума от них! В моих владениях всё-таки потише, не нравятся почему-то людям болота. Вот чудаки!

Но уже битый час сидит прямо на берегу группа людских детей. Решила я их припугнуть, потому что нечего мусор мне на подушку кидать! Обернулась каргой старой, с клыками и когтями, вышла из воды и давай на них рычать. А они даже не испугались и начали непонятные слова говорить:

«Классный косплей, бабуль. Можно с Вами сфотографироваться? А ссылку на аккаунт дадите?». А я от неожиданности опешила. Нет, ну это просто безобразие! Вот раньше бы только пятки их сверкали. А бывало, что и блинов принесут, чтобы задобрить. А сейчас? Я уже забыла, какие на вкус блины.

Эх, неудача. Ну ничего, на завтра станут детишки смотреть фотографии, а там меня не будет. Вот удивятся!

Я вернула себе прежний вид. В жизни-то я похожа на людскую девушку, только кожа и волосы зелёные, а на руках и ногах перепонки между пальцами. Решила пойти спать. Только я прилегла, как слышу опять голоса. Да что же это такое. Поспать не дают.

Хотела напугать говорящих, но потом прислушалась к разговору и передумала.

– ... вот здесь, Павел Никанорович, детская площадка будет, отличное расположение. А от болота этого никакой пользы, комары да и только, так что мы его осушим и засыплем, – указывал в мою сторону пухлый мужчина средних лет.

Тут я вовсю наострила уши. Павел Никанорович, где же я слышала это имя?

– Я не против, делайте как хотите. Раз положена детская площадка, пусть будет здесь, подальше. От детей один шум, – отвечал худой старик. – А как там этот инспектор Прудов из Префектуры? Всё артачится?

– Да, странный тип. Появился недавно, а уже столько шума наделал. Слывет честным и неподкупным, а нас, деловых людей, ни во что не ставит. Всё носится со своей охраной природы. Но чувствую я, он нам не помеха.

– Да уж, Николай, позаботьтесь о том, чтобы наш проект одобрили, как обычно. Денег не жалейте. Этот жилой комплекс принесёт нам огромную прибыль, так что не подведите. Запомню, как там его собирались назвать?

– Лукоморье Сити, Павел Никанорович. Наши маркетологи так решили, потому что в этом районе издревле много легенд о всяких чудесах ходит.

– Пфф, чушь какая, чудес не бывает. Но если это название будет хорошо продаваться, то мне всё равно. Ну ладно, нам пора, идёмте, – и старик энергично зашагал к выходу из парка. За ним семенил, не поспевая, пухлый мужчина.

Так, приплыли. Значит все опасения по этому поводу

оправдались. Парк собираются уничтожить и понастроить дома. Как будто их мало в округе. И название какое выбрали – Лукоморье – совсем совести нет, это же наша прародина! А особенно меня, почему то, задел последний презрительный комментарий старика. Чудес, мол, не бывает. Как это не бывает? Вот же я сижу.

Я, наконец, вспомнила, что видела его имя в газете. Там как раз сообщалось о торжественном открытии нового бизнес-центра. На фото был запечатлён, перерезающим ленточку, Павел Никанорович Скопарь, директор строительной фирмы Бетониус.

Ох, какой теперь сон, нужно всё обдумать. Так я и просидела всю ночь. В голове много мыслей, но какая же из них главная, какую наперёд думать?

На рассвете я услышала шаги. Обернулась – а это Водяной идёт, правда в виде инспектора водоохраны Прудова, с очень решительным выражением лица. Он заметил меня издали и зашагал быстрее. Дошёл до моего болотца, сбросил с себя инспекторскую личину и с наслаждением опустил хвост в воду.

– Эх, хорошо здесь у тебя все таки. Я уже и забывать начал вкус болотной водицы. Сейчас ведь живу у брата, Озёрного, в области. Да и там редко бываю. Мне здесь за успехи в работе дали служебную комнату в общежитии, но там ванная комната общая. Не посидишь, хвост не выпрямишь.

У меня было много вопросов к Водяному, но я решила

дать ему немного передохнуть. Вскоре он и сам поднял волнующую меня тему.

– Так вот, Кикочка, я же к тебе по делу, и очень важному – твоему болоту грозит уничтожение. Слышала, небось, о компании Бетониус, что собираются тут Лукоморье строить? Так вот, скоро эти слухи могут сбыться...бульк, – Водяной отчаянно жестикулировал, не удержался и соскользнул под воду.

Я подождала, пока он выберется.

– Да, я знаю, вчера вечером этот Скопарь сюда приходил со своим подхалимом. Рассуждали вслух, прямо у меня над головой, как разрушат Чашобу. Я всю ночь об этом думала, хочу спасти своё болото!

– Это отлично, что ты настроена так решительно, мне даже завидно. Я ведь для спасения своего пруда ничего не сделал, только сидел и причитал. Но теперь хочу спасти хотя бы твоё болото и остатки леса. Ты же мне как внучка! – всхлипнул Водяной. – Эх, жаль только, что Леший уехал в отпуск на юг, а то бы он нам очень помог.

– Но что же мы можем сделать, когда против нас сам Бетониус?! – воскликнула я.

– Спокойно, у меня уже есть мысли. Жители этого района и сами против уничтожения парка, этим нужно воспользоваться. Скоро они собираются провести встречу по этому поводу и нам нужно к ним присоединиться. Там есть два лидера. Во-первых, это девятиклассник Саша Зябликов, побе-

дитель городской олимпиады по экологии. Очень активный паренёк. Во-вторых, Нина Петровна Падучая, пенсионерка, но в прошлом известный зоолог. У неё остались обширные связи и в мире науки, и в других областях. Нам нужно с ними встретиться.

– Да, это ты верно говоришь, Водяной. Как-то я о людях не подумала, что они и помочь могут, а не только навредить.

– Люди разные бывают, Кикочка. Я вот немного поработал с ними и уже вижу это. Времена изменились, теперь нам без человеческой помощи не справиться.

– Видно так и есть. Но у меня почему-то такое чувство, что нам Домовые помогут. Вот прямо наваждение, так и возвращается к ним мысль. Как их найти-то теперь?

– У Домовых теперь целая организация, они живут припеваючи. Ежели хочешь помощи их попросить, то надо идти к Главному. Сейчас они располагаются под городской Мэрией. Там на углу дерево приметное растёт – тополь огромный. Руку в дупло положи, они поймут, что своя, и пропустят.

– Вот спасибо тебе, Водяной. Всегда всё объяснишь и поможешь, – сказала я, вставая.

– Да как же тебе и не помочь! Ты же выросла у меня на глазах. Ну ладно, пора мне, сегодня много встреч. И одна из них с Бетониусом, кстати.

– Ты смотри – осторожнее, они про тебя говорили, хотят на свою сторону любой ценой перетянуть.

– Ой, да знаю я, их же насквозь видно, обманщиков, они у

меня ещё попрыгают. Ну, бывай, Кикочка, до встречи, – передо мной снова стоял на берегу инспектор Прудов с портфелем.

– Бывай, дядя Водя, – помахала я вслед рукой.

Водяной подмигнул и поспешил на работу. А мне теперь нужно попасть к домовым.

Городская мэрия располагалась на другом конце города. Была бы ночь – я могла бы обернуться кошкой и добежать или сорокой и долететь, а днём на такое расстояние мне сил не хватит. Придётся ехать на автобусе, чуть-чуть изменив внешность. Сделаю кожу белой, да перепонки скрою. А зелёными волосами сейчас никого не удивишь.

Доехала благополучно, контролёров в автобусе не было. Тополь, про который говорил Водяной, сразу нашла, он тут один такой древний и узловатый. Я положила руку в дупло и почувствовала тепло. С обратной стороны дерева послышался голос: «Проходи».

Обойдя дерево, я увидела, что в нём появилась дверь, за которой открылся проход. Оттуда выглянул мохнатый, совсем молодой Домовёнок и поманил рукой:

– Давай, давай, проходи быстрее, а то морок спадёт и люди глазеть начнут.

Мы стали спускаться по винтовой лестнице, освещенной светлячками в банках.

– Меня Прошкой все кличут, – представился Домовёнок. – Я здесь недавно, из деревни приехал, там-то все дома

с людьми заняты, а здесь место проще найти.

Тем временем мы уже шли по длинному коридору с множеством боковых ходов и дверей. Все Домовые здесь куда-то бежали и спешили и чем-то напоминали людей, идущих по утрам на работу.

«Учебный отдел?!» – с удивлением прочитала я табличку на одной из дверей.

– А как же, – ответил мой провожатый. – Это ведь раньше нужно было только с печью уметь управляться. А сейчас люди изобретали столько всяких приспособлений! Простой Домовой и не разберётся, поэтому вот, обучаемся.

По моей просьбе Прошка проводил меня до кабинета Главного Домового. Я постучала, и вошла, но тут же отпрыгнула, потому что наступила на бороду. Когда осмотрелась – поняла, что не наступить на неё сложно, потому что она простиралась по всему полу. А принадлежала эта шикарная борода почтенному и косматому Главному Домовому, Гордею Гордеевичу. Мы с ним знакомы, в разные года праздновали семьями Духов день, когда он ещё не занимал пост Главного, так что формальные вежливости можно было отбросить.

– Так-так-так, кто это к нам пожаловал? – послышался скрипучий голос. – Неужто Кикочка? Ну хоть на других наших посмотрю, а то тут одни Домовые шастают, глаза мозолят.

– Дядя Гордей, помоги! – сразу без обиняков начала я. – Болото моё уничтожить хотят, и вообще Чащобу с землёй

сравнять, а ты ведь вон какой могущественный и мудрый, должен знать как нам всяким Бетониусам противостоять. Я чувствую, что Вы мне поможете...

– Ну-ка, давай попорядку, – жестом остановил меня Главный. – Про болото слышал, только говорят, слухи это всё, никто парк трогать не станет.

– Нет, дядя Гордей, уже не слухи, я сама слышала разговор директора, точно хотят всё застроить.

– Ишь ты, мало им, у меня нехватка кадров, а они всё клепают свои коробки бетонные. Бетониус, говоришь? Ну что ж, может твоё чутье тебя правильно сюда привело, – он посмотрел на часы на стене. – Его как раз давно не было, скоро должен заявиться.

Я как раз собиралась спросить, кого «его» не было и зачем «он» должен заявиться, как в коридоре за дверью послышался шум и крики. Через секунду дверь с треском распахнулась и в комнату влетел клубок из двух Домовых. Первого я узнала – это был Прошка, а второй незнакомый. Успела только заметить, что у него кудрявые волосы. Дерущиеся уже успели запутаться в бороде Главного Домового.

– А ну прекратить безобразие! – прогремел Гордей Гордевич. Он умел повысить голос, особенно когда под угрозой была его знаменитая борода.

На дерущихся этот раскат грома произвёл магическое действие – они тут же расцепились, но принялись, указывая пальцами друг на друга переругиваться шёпотом.

– Опять ты, – шипел Прошка. – От тебя одно беспокойство, а толку нет.

– Молчи, малой, ишь на старших пальцем показывает, в наше время без разрешения и не разговаривали! – не уступал ему другой Домовой.

Теперь можно было разглядеть, что на вид ему лет 700, среднего возраста в общем. Борода заплетена в две косицы, а рубашка хоть и потрепалась в драке, но богато украшена вышивкой и подпоясана кушаком, да и лапти на вид как новые. Сразу было понятно – это Домовой из зажиточной семьи.

– Гордей Гордеевич! – начал Прошка. – Я действовал по Вашим указаниям, а он...

– Да, Прошка, ты молодец, тебя я ни в чем не виню. А теперь иди, отдохни, а я сам разберусь с нашим нарушителем.

Прошка, праведно сопя, удалился. Второй Домовой в это время стоял с гордым видом и разглядывал потолок, как будто его всё это не касалось. Но как только дверь закрылась, он кинулся на колени перед столом Главного, начал бить лбом об пол и причитать:

– Да что же это такое делается, Гордей Гордеевич! Сколько можно терпеть, ухожу я из этого дома, мочи нет. Какой же я Домовой, если в доме мира нет? А я не могу ничего поделать! Не действует на них мои наговоры. Профнепригоден я! Увольте меня!

– Ну что же, уволить так уволить, приходи завтра с вещами, переведу тебя в другой дом, – невозмутимо сказал Глав-

ный.

Это предложение только усилило рыдания.

– Да на кого же я их оставлю? Больше века я в этой семье живу, за порядком слежу. Меня же Марья Тимофеевна с собой из деревни перевезла. Эх, вот в деревенской избушке было всего две комнаты, а жили хорошо, счастливо. А сейчас – три этажа, да кому они нужны? Никто друг друга и не видит по целой неделе. Уа-а-а-а! – Домовой разразился новым потоком рыданий.

Во время этой душераздирающей сцены дядя Гордей остался невозмутимо спокойным. По-видимому, такая картина была для него привычна, потому что он даже не реагировал на то, что его бороду бесцеремонно комкают и вытирают ей слёзы. При последних, особо сильных ударах лбом об пол, из кармана бедного Домового выпала какая-то бумажка и спланировала недалеко от меня, я подняла её. А страдалец тем временем встал с колен, успокоился и уже только чуть всхлипывал.

– Так, ну сегодня ты как-то быстро успокоился, молодец, работаешь над собой. Познакомься, Кикочка, это Демид, его то мы и ждали. Он врывается сюда примерно раз в неделю и устраивает такую сцену. Но уходить из этого дома отказывается.

Демид, кажется только сейчас заметил меня, и сильно смутился. Чтобы как-то разрядить обстановку, я протянула ему выпавшую бумажку.

– Приятно познакомиться, Демид. Я – Кикимора. Вот, возьмите, у Вас выпало из кармана.

– Ой... Вот спасибо! – кудрявый Домовой быстро потянулся за бумажкой, как за сокровищем.

– погоди, Демид, стой смирно. А ты, Кикочка, посмотри что там на бумажке этой и сразу поймёшь почему наш нервный друг может тебе помочь.

Я перевернула бумажку и увидела, что это был людской волшебный рисунок, фотография. В центре снимка, на стуле, сидела пожилая женщина в очках на ястребином носу, на плече у неё лежала длинная коса серебряного цвета. Рядом с ней стояла девочка лет десяти, у неё были темно-русые волосы, заплетенные в две коротенькие косички.

«Наверное бабушка и внучка, ведь они так похожи», – подумала я.

За стулом стояло двое мужчин и женщина. Старший из них показался мне знакомым. Ба! Да ведь это старый Скопарь! Я не сразу его узнала, потому что на этом фото он выглядел моложе, ещё не полностью седой, а главное – улыбался. А по нему и не скажешь, что он умеет это делать. Рядом с ним стоял молодой темноволосый мужчина, похожий на старшего Скопаря, но с более мягкими чертами лица. Справа стояла невысокая молодая женщина с короткими светлыми волосами. И тут до меня дошло что имел ввиду дядя Гордей.

– Так значит Демид трудится Домовым у Скопарей?

– Именно, именно, дорогая Кикимора, – гордо сказал Де-

мид. Его смущение как рукой сняло. – Род Скопарей почтенный и уважаемый, все труженики, ни одного лентяя нет. Теперича сама видишь – богатейшая семья, огромный дом. И ведь Павел Никанорович всего своим трудом добился, работал как каторжник, семью месяцами не видел. Зато сейчас все полностью обеспечены, любой каприз можно исполнить, – вздохнул Демид. Мы его не прерывали, и он продолжил. – Правда, пока Павел Никанорович состояние сколачивал, он упустил как супруги его, Анны Владимировны, не стало, как сын его, Алексей, вырос и женился, как внучка Машенька родилась. А ведь для них-то он и старался, работал, – вновь прослезился Домовой. – Пока жива была его матушка, Марья Тимофеевна, дом держался на ней. Она и внучка воспитала, и с правнучкой занималась, и на сына влияние имела, вразумляла его. А когда её не стало, то из дома будто всё тепло ушло. Эта вот фотография их последняя совместная. С тех пор уже шесть лет прошло, а в доме с каждым годом всё хуже. Раньше хотя бы ссорились, тарелки-чашки били, а теперь всё больше молчат. Машеньке уже шестнадцать, и Павел Никанорович хочет, чтобы она возглавила его компанию. А Машенька совсем не хочет этим заниматься, она собирается стать филологом и изучать фольклор. Ведь прабабушка её, Марья Тимофеевна, много сказок да историй знала и ей привила к ним любовь. Машутка ведь одна сейчас в меня, Домового, верит, угощения мне оставляет по праздникам, молочко да блины.

Совсем плохо стало после того, как Павел Никанорович объявил о новом проекте – Лукоморье. Да ещё на каком месте, на волшебном, где наш народ издревле живёт! Даже у людей это место известно, Машеньке про него прабабушка много рассказывала. Ох и скандалов было по этому поводу!

«Зачем именно это место рушить, оно ведь одно такое волшебное у нас в городе осталось, неужели тебе всё денег мало? Ты ни о чем, кроме них думать не можешь!» – это самое безобидное, что Машутка выкрикивала. Родители её поддерживают, но Павел Никанорович слушать никого не хочет.

«За это место давно строительные кампании борются, а я почти получил. Это ведь практически центр города, а там лес какой-то с болотом, сколько земли пропадает. Для Вас же стараюсь!» – кричал он. Даже в сердцах сказал, что всегда мечтал о внуке, продолжателе дела, а внучка ему ни к чему. Ой, да что это я! – вдруг воскликнул Демид. – Взял, да и выболтал всё про свою семью, совсем уже забылся. Потому что поговорить то не с кем, на сердце копится, – всхлипнул Домовой.

– Ничего, ничего, Демид, не беспокойся, все свои, – успокоил его Главный. – Выговорись и полегчает. А гостья наша, Кикимора, между прочим прямое отношение к этому делу имеет. Ведь она приехала сюда прямиком из Чащобы, это её болото хотят засыпать и построить там Лукоморье Сити.

Я закивала в знак подтверждения.

– Да, уважаемый Демид, так и есть, – сказала я. – Меня сюда чутьё привело, и как вижу, не зря. Я тоже, как и Машенька, не хочу, чтобы Чащобу уничтожили. И кажется мне, что услышанное сегодня мне поможет.

– Вот я пустая башка, – хлопнул себя по лбу Демид. – Разболтал всё. Но хозяевам вредить не позволю, буду защищать их до конца!

В подтверждение своих слов кудрявый Домовой встал в боевую позицию.

– Не беспокойся, Демид, я не собираюсь использовать во зло то, что услышала от тебя, – сказала я. – Мы с тобой заодно. Я не хочу, чтобы моё болото уничтожили, а ты хочешь наладить мир в семье. И, чувствую, что если мы отстоим Чащобу, то каждый получит желаемое.

– Что же, коли так, то я не против, – добродушно сказал он.

– Ну вот и славно, на том и порешили, – хлопнул в ладоши Гордей Гордеевич.

До своего болота я благополучно добралась на том же автобусе. Под камнем у входа обнаружилась записка, которая гласила: «Вечером приходи в местный ДК, там будет собрание жителей в защиту Чащобы». И подпись: «Инспектор Прудов».

Отлично, подумала я, дела принимают серьёзный оборот. На собрании придётся опять скрывать свои перепонки и зе-

лёную кожу, так что сейчас до вечера нужно передохнуть. Я задремала и проснулась вечером, перед закатом.

– Ой, надеюсь не проспала! – я вскочила, быстро навела морок и побежала в ДК, благо он был недалеко.

Народ уже собрался и что-то обсуждал, разбившись на группы. Всего было около двухсот человек. Многие из собравшихся часто гуляли в парке и были мне знакомы.

– А вот и ты, Кикочка! – крикнул мне Водяной в образе Прудова. – Пойдём, познакомлю тебя с вождями нашего сопротивления.

И повёл меня в гущу толпы, ближе к сцене. Здесь, вокруг нескольких человек, собралась самая большая и шумная группа, все что-то выкрикивали и размахивали руками. Подойдя ближе, я разглядела центральные фигуры и сразу узнала тех о ком говорил Водяной.

Юноша со светлыми жёсткими волосами и прямым взглядом ярко голубых глаз, видимо был Саша Зябликов, юный эколог. А маленькой, но внушающей уважение, пожилой женщиной, с лиловыми волосами, собранными в тугий пучок на макушке, точно была Нина Петровна Падучая, пенсионерка-зоолог. Так и оказалось, когда мне их представили. Когда дошла очередь назваться мне, я запнулась.

– Ки.. Кира. Да, Кира Заболотная, очень приятно, – пожала я им руки. – Я недавно сюда переехала, но успела полюбить Чашобу и очень хочу её сохранить. Давайте действовать вместе!

– Да-да, у Кирочки большие познания в области защиты окружающей среды, они нам пригодятся, – подмигнул мне Водяной.

Нина Петровна очень внимательно посмотрела на меня своими карими глазами с зелёными искорками, мне даже стало не по себе, как будто она видела меня насквозь.

– Ну что же, нам пригодится любая помощь, – наконец сказала она. – Итак, продолжим собрание.

Нина Петровна явно обладала большими организаторскими способностями, потому что легко руководила всем этим шумным сборищем. Видимо, сказалась работа со студентами. Благодаря её четким указаниям вскоре все были при деле. Жителям района она предложила писать жалобы во все доступные органы власти – чем больше жалоб, тем вероятнее всего отреагируют. Все, кто по работе мог так или иначе помочь делу, должны использовать все свои знакомства и связи. Уничтожению Чащобы нужно придать как можно больше общественной огласки, поэтому предлагалось также писать в газеты, на радио, телевидение, и интернет-ресурсы.

Директор местной типографии предложил бесплатно подготовить и напечатать листовки с информацией о важности Чащобы, которые можно было бы раздавать всем желающим. Это предложение было встречено бурными аплодисментами.

Саше Зябликову было поручено подготовить отчет о благотворном влиянии Чащобы на климат района и города, и об ухудшении экологической обстановки в случае её уничтоже-

ния. А его товарищи должны были создать и вести страницы в социальных сетях, освещать ситуацию. Также молодёжь вызвалась по вечерам раздавать листовки в оживленных местах. Сама Нина Петровна должна будет привлечь всех своих знакомых из мира науки и других сфер.

К концу собрания все были переполнены решимостью и энтузиазмом. Казалось, что Чащоба спасена. Народ потихоньку начал расходиться, а я, задумавшись, осталась сидеть в кресле.

Оказывается, так много людей готовы защищать Чащобу! Для них она тоже важна. Это было приятным открытием.

Переведя взгляд в сторону сцены, я увидела, что ко мне идёт Нина Петровна. В конце ряда кресел, на котором я сидела, была колонна. Нина Петровна облокотилась на неё и поманила меня к себе рукой. Я почувствовала какую-то тревогу, но подошла.

– Кира, правильно? – без обиняков начала она. Я кивнула. – Итак, Кира, когда я сказала, что нам пригодится любая помощь, я имела ввиду и волшебную тоже. Подскажите, какого Вы роду-племени? Про Прудова сразу понятно, что он Водяной, а вот Вас я ещё не разгадала.

– Но КАК? Как Вы узнали? – только и смогла выговорить я от удивления.

– Да как не узнать своих? Ведь бабушка моя была самой настоящей Лесавкой из Владимирских лесов. Я хоть и не полностью, но тоже из Ваших. Правда сил волшебных у меня

почти нет, могу только животных да птиц привечать, поэтому и стала зоологом. А вот Вы можете помочь ощутимо. Ты, наверное, после собрания, подумала, что дело почти решено и Чашоба спасена?

– Да, – честно призналась я. – Сегодня у всех был заряд энтузиазма, и меня он тоже настиг.

– Энтузиазм это хорошо, – серьёзно сказала Нина Петровна. – Но на нём одном далеко не уедешь. С такими огромными корпорациями как Бетониус не справиться листовками и статьями, они идут напролом. Им ничего не стоит подкупить газету или начать угрожать активистам сопротивления, у них ещё не было ни одного провала. Только недавно они снесли одну из деревень за городом и отстроили там элитный коттеджный поселок. А жителям снесённой деревни предложили бесплатные квартиры в городе. Вокруг этой истории была большая общественная шумиха. Но в итоге сами жители, которые больше всех протестовали, свернули свою деятельность – их подкупили большими квартирами. Так что у Бетониуса есть опыт в сворачивании сопротивлений. Их главное оружие – деньги. Сейчас нам нужно ковать железо, пока горячо, – Нина Петровна погрозила кулаком куда-то в сторону.

Слова трезвомыслящей пенсионерки разбили мои розовые очки, я почувствовала тревогу.

– А что именно я могу сделать? Вредить людям я не хочу. Конечно, иногда я могу их припугнуть или подшутить над

ними, но никогда до увечий дело не доходило. И мне не хотелось бы начинать.

– И не надо увечий, милая моя, это не наш метод. А вот припугнуть хорошенько нужно. Знакомые мне передали, что скоро Бетониус начнет стягивать к Чашобе строительную технику, пока не известно как они это обоснуют. Так вот, хорошо бы, чтобы начали происходить мистические случаи с этой самой техникой, а рабочим начала мерещиться всякая жуть. А дальше люди сами раздуют эти страшилки, такие слухи распространяются очень быстро. Если некому будет работать и техника будет испорчена, в Бетониусе могут задуматься, а этого мы и добиваемся.

– Я Вас поняла, Нина Петровна, спасибо за добрый совет. Это будет даже весело. А уж я попрошу посодействовать мне в запугивании и Лешего, и Водяного с Русалками. А я, кстати, Кикимора болотная.

– Ох, ну конечно! – воскликнула внучка Лесавки. – Как я сразу не догадалась по зелёным волосам. Значит это тебя я иногда вижу в Чашобе. Ну, отлично, тогда до следующего собрания. А мне ещё друзей обзванивать, до свидания!

И Нина Петровна зашагала к выходу, я помахала ей в след. Зал почти опустел, только на последнем ряду осталась сидеть девочка с ярко-розовыми волосами. Она что-то увлечённо писала в тетради и, видимо, не заметила, как все разошлись.

Я обратила на неё внимание раньше, как раз из-за ярких волос. Она стояла в группе с Сашей Зябликовым и что-то

решительно ему доказывала. Теперь, в спокойной обстановке, я поняла, что лицо этой девочки мне смутно знакомо. Но где же я могла её видеть? Задумавшись я сделала шаг вперед и девочка обернулась на этот шорох. Она очень строго посмотрела на меня из под круглых очков, сидевших на ястребином носу. И тут меня осенило! Да ведь это Маша, внучка Скопаря. Значит, она действительно хочет спасти Чащобу и даже пришла на это собрание.

– У тебя очень красивый цвет волос, – сказала я.

– Спасибо, у Вас тоже, – серьёзно ответила девочка. – Я как раз хочу перекраситься и думала про зелёный цвет. Какой краской пользуетесь?

– Я? Я не покупаю краску, у меня всё натуральное. В смысле натуральные ингредиенты, – спохватилась я.

– О, значит природными красителями? Это очень интересно, я бы взяла у Вас рецепт.

– Конечно, я поделюсь им с тобой, – заверила я, – только сначала хотела задать тебе вопрос. Ты ведь Маша, внучка Павла Скопаря?

Маша, а это была именно она, явно не ожидала такого вопроса и от испуга даже выронила ручку. Но потом быстро взяла себя в руки. Всё-таки есть в ней что-то от деда.

– Кто Вам сказал? Да, это я. Что Вы теперь будете делать, расскажете всем? – вызывающе спросила она.

– Нет, зачем, просто хотела уточнить правильно ли мне показалось, – примирительно сказала я. – И ты своей реак-

цией это подтвердила.

Девочка замолчала, уставилась в пол и поддерживать разговор явно не собиралась. Поэтому продолжила я.

– Не переживай, я никому не скажу. А про тебя узнала от ... друга Вашей семьи. Видела мельком семейную фотографию, где ты стоишь с Марией Тимофеевной. Вы очень похожи.

При упоминании о прабабушке, выражение лица Маши смягчилось.

– Я хочу спасти Чащобу, – почти шёпотом сказала она. – Ведь это такое чудесное место, даже волшебное. Можете считать меня сумасшедшей, но я верю, что здесь водятся и Водяные и Лешие и Кикиморы. Баба Маша рассказывала мне много историй про них, мы часто гуляли здесь.

«Да как тут не поверить, когда я и есть та самая Кикимора», – подумала я. Тем временем Маша вскочила и громко сказала, почти прокричала:

«Я хочу стать филологом, а не дельцом, помешанным на деньгах!».

Видимо она сама не ожидала такой своей реакции, потому что сразу покраснела и села на место.

– Вот это настрой! – похлопала я в ладоши. – Меня зовут Кира Заболотная, я здесь живу недалеко и тоже хочу защитить Чащобу. А как ты узнала про это собрание?

– Я с Сашей Зябликовым в одной школе учусь с прошлого года. Вообще я там записана под маминой фамилией, иначе

бы проходу не давали. Никто не знает, что я наследница известной строительной фирмы. И я запретила отвозить себя в школу на мерседесе в сопровождении телохранителей. А то будет как в прошлой школе – всякие подхалимы так и лезут. Навязывались в друзья, а за спиной обсуждали какая я заносчивая богатейка. Нет уж, с меня хватит.

«Сложная ситуация», – подумала я.

В это время в зал вошла уборщица, размахивая шваброй. На нас она смотрела с осуждением. Мы с Машей не стали дожидаться окриков и сами вышли из зала. На улице стояла благодатная теплая ночь, Из Чашобы доносился запах нагретого за день солнцем разнотравья.

– Эх, хорошо-то как! – я с наслаждением потянулась. – Ну ладно, Маша, мне пора. Приятно было с тобой познакомиться. Думаю, что мы ещё увидимся. А на дедушку ты не сердись, попробуй его понять. Я уверена, он тебя очень любит и трудится ради своей семьи. Ты бы поговорила с ним. Если захочешь увидеться, приходи, я тут часто бываю. Мне сейчас через парк, а тебе?

– Мне в другую сторону, к метро, – тихо сказала Маша. Кажется, мои последние слова заставили её о чем-то задуматься. – А дедушка завтра улетает в Индию в командировку, на несколько недель, может я с ним и поговорю когда он вернется... До свидания, Кира.

Она махнула рукой и быстро пошла к станции метро. А я направилась к себе на болото. Ух, ну и денёк сегодня насы-

ценный, нужно хорошенько выспаться.

Следующие две недели были отмечены бурной деятельностью активистов.

В парке появились транспаранты с призывами к защите территории. Приезжало несколько съемочных групп, брали интервью у местных жителей. Молодёжь раздавала листовки и проводила агитацию среди прохожих. В газетах появился ряд очерков о Чащобе, местные службы надзора были завалены жалобами рассерженных горожан. Многие учёные и общественные деятели (знакомые Нины Петровны) открыто высказывались о важности сохранения природных ресурсов вообще и Чащобы в частности. Казалось, что всё складывается удачно.

Компания Бетониус хранила молчание. Не удалось получить ни одного комментария или хотя бы намёка на дальнейшие планы по Чащобе. Если же задавался прямой вопрос о дальнейшей судьбе парка, то ответ был неизменно один: «На данный момент территория парка является охранной зоной регионального уровня. Следовательно строительство здесь запрещено».

Несколько раз ко мне на болото заходила Нина Петровна и мы обе сходились во мнении, что уточнение «на данный момент» нас настораживает. Тем не менее никаких действий со стороны Бетониуса не предпринималось. Но предчувствие у меня было нехорошее.

В конце второй недели, в воскресенье, я проснулась очень рано, меня разбудило кваканье лягушек. Я крикнула им, чтобы не шумели и уже собиралась снова лечь спать, как услышала звук подъезжающей машины. В рассветной тишине лобой звук усиливается. Вскоре послышались голоса людей.

Выглянув из болота, я увидела большую белую машину, из кузова которой вышло четыре человека в белых комбинезонах и очках. В руках у них были лопаты, какие-то странные приспособления и стеклянные колбы с зеленоватой жидкостью. Приехавшие разошлись по парку, и начали копать землю, переходя с места на место. Из болота мне было плохо видно, но я старалась лишний раз не двигаться и не шуметь, чтобы не спугнуть незваных гостей. Тем временем люди в белых комбинезонах, видимо закончив свои дела, погрузились в кузов и уехали. От земли стал исходить странный жар. Такого я не когда не чувствовала и не могла понять причину.

На вечер воскресенья было назначено повторное собрание активистов в том же зале местного ДК. Народу собралось много, почти как в первый раз. Все были довольны и обменивались успехами. Вдруг за дверьми послышался топот и в зал впопыхах вбежала группа молодежи во главе с Сашей Зябликовым и Машей. Они наперебой закричали:

«Скорее, включите телевизор, городской канал! Там Жук говорит про Чашобу! Всё пропало!»

Все разом загалдели. Не растерялась только Нина Петровна. Она крикнула куда-то наверх: «Семён, выведи изображе-

ние с телевизора на проектор!»).

Видимо, Семён услышал просьбу, потому что уже через несколько секунд над сценой с потолка опустилось белое полотно, и на нём появилось видео. Это был выпуск новостей.

В окружении камер стоял Николай Жук, главный заместитель Скопаря, и чётко выговаривал:

«... да, сейчас я всё подробно объясню. Сделали мы это потому, что на нашу почту пришло письмо от анонима с таким текстом: «Проверьте почву в Чащобе и узнаете много интересного».

Мы не стали это игнорировать, и на следующий день собрали образцы не только почвы, но также воды, воздуха и растений с территории парка и отдали в аккредитованную лабораторию на анализ. И вот, у меня в руках конверт с заключением, я ещё его сам не читал».

Жук продемонстрировал конверт, вскрыл его и зачитал заключение:

«Во всех представленных образцах грунта, воздуха, воды и растений обнаружен уровень радиации, опасный для здоровья людей. Рекомендовано провести дезактивацию».

После этих слов по залу пронёсся ропот. Слышались высказывания: «Не может быть. Уже всех купили. Гладко стелет». Жук тем временем продолжал:

«Параллельно с лабораторными анализами мы провели и собственное расследование. Нашим экспертам удалось найти засекреченные документы, в которых указано, что тер-

ритория, ныне в народе прозванная Чащобой, в 70-е годы прошлого века использовалась как незаконный полигон для утилизации ядерных отходов с Обнинской атомной электростанции. Так что нахождение на данной территории сейчас опасно для жизни, и я бы советовал гуляющим в парке, особенно детям, немедленно убраться оттуда. Все документы переданы в мэрию на рассмотрение».

Тут наперебой закричали журналисты, окружающие Жука:

«Николай Петрович, какие Ваши дальнейшие действия? В курсе ли органы власти об этой ужасной катастрофе? Можете ли Вы как-то помочь городу? Спасите нас!».

– Спокойно, без паники, – примирительно поднял ладонь Жук. – Компания Бетониус не оставит горожан в беде. Мы уже связались с властями и предложили свою помощь. Хоть для нас это будет затратный и невыгодный проект, мы готовы помочь и провести полную дезактивацию территории, вывезти и перезахоронить радиоактивный грунт. Конечно, для этого необходимо снять охранный статус с данной территории, чем уже занимается команда наших юристов. Мы готовы начать работы по обеззараживанию в ближайшее время».

На этом репортаж закончился и диктор новостей сообщила:

– Мы будем держать Вас в курсе событий.

Началась реклама и невидимый Семён прервал показ. Несколько секунд в зале царила полная тишина. Люди пре-

бывали в ступоре, потом кто-то выкрикнул: «А вдруг это правда? Моя мама недавно сильно заболела, а ведь она любила гулять по парку!». Конец фразы потонул в общем гомоне. Люди начали ссориться: одни уже поддались сомнениям, другие доказывали, что это происки Бетониуса, было недалеко до массовой драки.

Я отошла к стене и стала думать. Что такое эта «радиация» я не знала, по-видимому, это было связано с тем жаром, что стал исходить от земли после приезда людей в белых комбинезонах.

Опять ситуацию в руки взяла Нина Петровна. С помощью Саши Зябликова она пробралась к сцене и завладела микрофоном. «Тишина-а-а-а!», – на полной громкости закричала она. Это подействовало: все прекратили спорить и дружно закрыли уши руками.

– Все мы знаем, что Бетониус пойдёт на любые подлости, лишь бы завладеть парком, это не первый случай, – начала свою речь Нина Петровна. – Вот они и сделали свой ход, атаковали грамотно, и уже посеяли смуту среди нас. Ведь каждый сейчас думает: «А вдруг это правда?». Я сама займусь расследованием, подключу своих друзей. А пока не теряем настроения, но в Чашобу лучше не ходить. Следите за публикациями Саши Зябликова. На сегодня собрание закончено.

Притихшие люди начали расходиться.

Я решила подождать Нину Петровну, чтобы рассказать ей про белые комбинезоны. Видимо, она тоже хотела мне что-

то сказать, потому что направлялась в мою сторону.

– Здравствуй, Кира. Я как раз хотела у тебя спросить – не замечала ли ты чего-то странного в Чашобе в последнее время?

Я кивнула. И рассказала про утренний случай.

– Теперь всё ясно, вот и ответ. Значит они закопали по парку радиоактивные отходы. Это серьёзное преступление. И настоящая удача, Кира, что ты это видела. Теперь мы сможем их найти и наказать. У меня много знакомых в МВД.

– Это хорошо, – кивнула я. – А что это вообще такое, «радиация» и как она может навредить?

– Ох, как бы тебе это объяснить, – задумалась Нина Петровна. – Смотри, некоторые кусочки земли излучает невидимое свечение. Кто-то светит несколько дней, а кто-то по двести и больше лет, и все с разной силой. На Вас оно не действует, а вот для людей животных и растений опасно. Оно проникает внутрь тела и разрушает его. Люди, которые даже недолгое время находятся рядом с таким свечением, могут серьёзно заболеть. Да, кстати, у меня дома есть счётчик Гейгера, хорошо бы сходить и проверить.

На мой вопросительный взгляд Нина Петровна ответила:

– Это такая коробочка, которая может сказать сильное свечение или нет. Давай встретимся у входа в парк через полчаса.

В указанное время я была на месте. Скоро вдалеке показалось странное существо зелёного цвета с большими глаза-

ми в пол лица и длинным серым хоботом вместо носа. Может это какой-то незнакомый Болотник, подумал я. Подойдя ко мне, существо сказало голосом Нины Петровны:

– Ну что, идём? Это я, не бойся, просто в защитном костюме, я ведь большей частью человек и это свечение может мне навредить.

Мы подошли к месту, на котором до этого что-то копали незнакомцы из белой машины. Никаких следов на земле не было видно, они хорошо убрали за собой. Нина Петровна достала из сумки на боку небольшую коробочку жёлтого цвета и повернула ручку. Ящичек угрожающе затрещал, я даже отпрыгнула от неожиданности.

– Действительно опасный уровень. Возьму-ка я ещё пробы земли, передам в институт.

Со стороны ДК послышался топот – к нам бежал инспектор Прудов.

– Фух, вот Вы где, я уже обыскался, – пропыхтел он, утираясь концом галстука. – Как я понимаю, Вы уже все слышали. Сработали действительно быстро: в префектуру из мэрии уже пришло распоряжении о том, что мы должны всеми силами содействовать компании Бетониус в её благородном порыве по очистке парка. Первые работы запланированы на завтра.

– Значит нам тоже нужно действовать быстро, – ответила Нина Петровна. – Понадобится время, чтобы собрать улики и записи с камер видео наблюдения, провести эксперти-

зу. Мы можем не успеть и спасти уже будет нечего. Как Вы видели, среди активистов уже нет такой сплоченности, у многих появились сомнения. Значит пора действовать Вам. Оповестите окрестный волшебный люд. Необходимо на как можно дольше задержать начало работ по разрушению Чащобы. Морочьте, чаруйте, пугайте строителей, выводите из строя технику, но Вы должны их задержать!

Мы с Водяным радостно переглянулись.

«Наконец-то и мы можем что-то сделать!» – одновременно сказали мы.

– Молодцы! – похвалила нас Нина Петровна. – А я побежала в Институт, а потом к знакомому генералу.

И она, набрав в пакетик земли, направилась к выходу из парка.

– Так, Кикочка, первым делом нужно послать весточку Лешему, чтобы возвращался. Он нам может сильно помочь. А я позову братца, Озёрного, и его знакомых Русалок, – загибал пальцы Водяной.

– Да, это хорошая идея, жаль только, что Русальная неделя уже прошла, а то бы у русалок силы было в несколько раз больше. – сказала я. – А вот моя родня очень далеко, они не успеют добраться вовремя.

– Придется самим справляться. Для начала нужно разобраться с техникой, – продолжал дядя Водя. – Территория будет закрыта, гуляющих не будет и нам никто не мешает. Думаю, что первые машины начнут подъезжать уже сегодня

вечером. А значит ночью можно будет испытать свои силы. Тогда до вечера, а я побегу к Озёрному, – помахав рукой, он поспешил к выходу.

Попрощавшись с Водяным, я решила передохнуть у себя в болоте перед ночью. Без посетителей в Чащобе было тихо. К вечеру, как и предсказывал Водяной, послышался шум подъезжающих машин. Целый отряд разнообразного транспорта устрашающего вида – с клешнями и свёрлами. Из кабин выходили люди в таких же костюмах с хоботами, как у Нины Петровны. Видимо все было давно запланировано.

«Как же нам совладать со всем этим железом? Ума не приложу» – думала я.

Пока я перебирала в голове разные варианты, работники времени даром не теряли – собрались группой и слушали указания старшего. Было уже около полуночи, когда все разошлись.

Вскоре, со стороны леса, послышались шаги. Я обернулась, и увидела, что это был дядя Водя в сопровождении неизвестных мне людей. Первый – высокий мужчина с длинными синими волосами, в светлом льняном кафтане и таких же штанах. Рядом с ним шли три молодые девушки, очень похожие друг на друга, одетые в зеленоватые платья простого кроя, с темными волосами, на которых были венки из цветов. Последним шёл седой старик с длинной бородой, невысокий, но коренастый, одетый в меховую жилетку поверх рубахи, и в полосатые штаны. Все они, кроме Водяного были

босиком. Присмотревшись я узнала в старике нашего Лешего – давно не видела его в человеческом обличье

– Леший! – радостно воскликнула я и пошла навстречу. – Как ты вовремя вернулся!

– Да, Кикочка, беспокойно стало, захотелось поскорее домой и как оказалось – не зря, – старик ласково погладил меня по голове. – Будем вместе отстаивать нашу Чащобу.

– А нас ты разве не узнала, Кика!? – послышался возмущённый голос. Я обернулась, и увидела, что три девушки, пришедшие с Водяным – это Алёнка, Велена и Дуня, мои знакомые Русалки. А мужчина с синими волосами – Озёрный.

– Ох, как будто кто морок навёл, – потеряла я вески. – Уже друзей не узнаю. Видно, слишком сильно всматривалась в людей этим вечером.

– Пришлось стать похожими на них, чтобы к тебе прийти. Но вот к обуви не могу привыкнуть, как они ходят в этих колодках? Я отказываюсь это надевать! – сказал Озёрный.

– Да-да, просто ужас что такое, – хором подтвердили Русалки.

– Давайте же сядем и обсудим наши действия, – предложил Водяной.

Все с наслаждением нырнули в болото и расселись по кругу. На берегу остался только Леший, он сел на кочку и заговорил первым:

– Есть у меня одна мысль – как мы можем бороться с эти-

ми железными телегами. Один мой дальний родич, Леший с южных земель, подарил мне мешочек семян прострел-дерева. Если сказать нужный заговор, то дерево это вырастает на три аршина за несколько минут. Нужно по семечку положить под эти железяки, они обовьют все щели и шестерни не смогут двигаться.

– А что, отличная идея, дядя Леший, – воскликнула Дуня. – А ещё я слышала, что эти телеги железные воды не любят, там искрить что-то начинает. Мы можем туда воды нагнать.

– Раз так, то Вы, девушки, должны будете отвлечь охранников и заморочить их, чтобы они нам не помешали.

– Это мы можем, – сказала Алёнка.

– Для первого дня неплохо, но что дальше? – спросил Озёрный. – Бетониус так просто не сдастся. Нам нужно разработать план на будущее.

– Нина Петровна сказала, чтобы мы продержались несколько дней, пока её друзья собирают доказательства, – вставила я.

– Ну что, молодёжь, начинаем или как? – нетерпеливо спросил Леший.

Мы ещё некоторое время посоветовались. Вся техника от Бетониуса сейчас стояла на парковке за парком, которую для этого спешно очистили от обычных машин.

Я, обернувшись сорокой, облетела несколько раз бетонную площадку, но обнаружила лишь одного охранника, ко-

торый временно занял будку парковочного сторожа. Что же, Бетониус явно считает себя победителем и не ждёт нападения. Водяной посоветовал поискать камеры наблюдения, и если обнаружатся, то вывести их временно из строя. Камер на парковке было целых три штуки. Я подлетела к каждой и лапкой вынула чёрные провода, как наказывал Водяной. Красные огоньки камер погасли. Я вернулась к болоту и рассказала обо всем друзьям.

– Хорошо, что ты сказал про камеры, дядя Водя. Мы бы сами не догадались, – закончила я.

– Ведь с людьми работаю, кое-чему научился, – ответил польщённый Водяной. – Ну, ребята, по местам. Действуем как договаривались.

Дуня, не скрываясь, пошла прямо через парковку к будке сторожа и постучалась. На пятый настойчивый удар дверь открылась и вышел заспанный усатый мужчина.

– Кто тут ещё? Чего надо? – весьма недружелюбно спросил он.

– Подскажите, пожалуйста, как пройти в библиотеку? – звонким голосом спросила Дуня.

– Куда-куда? – переспросил охранник. И уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразится руганью, но не успел – закатил глаза, сполз по стене будки и захрапел. Это Алёнка с Веленой прочитали у него за спиной сонный наговор.

– Получше вопроса не придумала? – смеясь спросила Алёнка.

– А что, люди ведь ходят в библиотеку, – Дуня была невозмутима.

– Ну не в двенадцать же часов ночи!

Теперь дело было за Лешим. Он быстренько передвигался от одной машины к другой, кладя под каждую маленькое семечко из своего мешочка. Закончив, он встал в середину парковки и прочитал заговор: «Мать сыра Земля, дай силу травам расти до небес, цвести и колосится. Поделись силой, прошу».

Дальше всё произошло очень быстро. Стебли и корни прострел-деревьев начали обвивать машины, послышался звук покорёженного металла. Спустя несколько минут парковку было не узнать. Вместо ярко-жёлтой техники стояли зелёные изваяния. Лишь по очертаниям можно было понять, что это машины. Леший вытер испарину со лба:

– Водный люд, дальше дело за Вами.

Теперь на середину вышли Водяной с Озёрным и встали спина к спине.

– Ну что, братец, дадим деревьям водички? – спросил Озёрный.

– Как не дать, иначе засохнут, – ответил ему Водяной.

Манящими движениями братья подвели по воздуху ручеёк из моего болота, который затем стал разделяться на множество ниточек воды, каждая из которых направилась в определенной машине, проникла внутрь, в каждую шестеренку и коробочку с проводами. Зелень после этого разрос-

лась ещё гуще.

Так закончилась первая ночь нашего противостояния. Все устали и пошли ко мне в болото отдыхать до следующей ночи. Леший пошел к себе в избушку. Засыпая Водяной пробормотал:

«Хорошо, что сейчас ночь. Днём мы бы не смогли такое проверить». Я мысленно с ним согласилась.

На следующий день переполох начался уже с утра. Рабочие, пришедшие на смену, не узнавали свои машины. Они ходили вокруг зелёных глыб, оплетённых корнями и задумчиво чесали затылок. Вскоре нашли заснувшего охранника, еле добудились.

– Не знаю я никакой библиотеки, – бормотал он.

– Видно крепко ему по голове дали, – говорили рабочие.

Новость о настоящем чуде, произошедшем на парковке перед Чащобой, разлетелась по городу. Горожане пересылали знакомым и родственникам снимки с места происшествия. К парку уже начали съезжаться машины разных телеканалов. Репортеры брали интервью у рабочих. Настоящей звездой стал заснувший охранник. Его показания обрастали всё новыми подробностями, и седьмому по счету репортёру он уже рассказывал как боролся с целой бандой неизвестных шаманов. К полудню стали собираться местные жители.

– Вот видите! – кричали люди. – Наша Чащоба это волшебное место и его духи не хотят Вашей застройки.

Народ начал теснить бедных рабочих.

– А мы-то причём? Вот с Бетониусом и говорите, – отбивались они.

В это время подъехало несколько черных машин. Из самой большой вышел Николай Жук, и пошёл прямо в центр толпы, никого не боясь, потому что его окружало несколько рослых охранников. Легки на помине.

– Почему работы ещё не начаты? Что за столпотворение? – рявкнул он, обращаясь к бригадиру.

– Не на чем работать, Николай Петрович, техника то вся вон, деревьями поросла, – указал тот на колоссящиеся машины. – А может и правда не стоит тут копать? Мне бабушка рассказывала, что с нечистой силой лучше не связываться.

– Что за детские сказки! Нужно было сразу сообщить мне об этом, а не устраивать тут пресс-конференцию! – Жук начинал выходить из себя. – Значит так, сейчас я распоряжусь, чтобы прислали новую партию машин. И Вы начнёте работать немедленно!

Толпа недовольно загудела.

– А Вам-то что не нравится? – обернулся к народу Жук – Для Вас же стараемся!

Послышались отдельные выкрики: «Ну конечно, ради нас. Сами небось тут всё загрязнили, а теперь хотят оттяпать Чашобу!».

Тут послышался визг шин: круто развернувшись на краю парковки затормозил мотоцикл, за рулём была Нина Петровна.

– Вы не имеете права начинать работы! – сразу взяла она ситуацию в руки. – Постановление о снятии статуса охранной территории вступает в силу только завтра! Полиция уже едет сюда.

– Что Вам даст этот один день? – насмешливо сказал Жук. – Всё уже решено и 24 часа погоды не сделают. Чем раньше начнём, тем лучше.

– А ну стоять! – взвизгнула Нина Петровна. – Люди, горожане, вставайте на защиту Чащобы, беритесь за руки и образуйте живую цепь. Они не посмеют нас тронуть!

Тем временем мы с Водяным, Озерным и Русалками, приняв человеческий вид, встали за спиной пенсионерки и взяли за руки.

Люди последовали нашему примеру и вскоре по боковой стороне парка растянулась длинная человеческая цепочка. Чтобы подбодрить себя, запели песню: «Врагу не сдаётся наш гордый парк...»

– Посмотрим как Вы запоете, когда на Вас двинется огромный экскаватор, – насмешливо сказал Жук.

Через несколько минут вдалеке послышался шум подъезжающих машин. И из-за поворота показался огромный жёлтый ковш и махина угрожающе двинулась в сторону людей, объезжая парковку.

– Припугни-ка их, – крикнул водителю Жук.

Водитель кивнул и экскаватор начал медленно двигаться на людей. Его ковш нацелился на нас с Водяным, мы как за-

вороженные следили за ним. Вдруг знакомый голос крикнул:
– Стойте, остановитесь немедленно!

Между нами и ковшом экскаватора встал человек в оранжевых свободных одеждах. Он распростёр руки защищающим жестом.

– Да кто тут опять вмешивается, – завизжал Жук. – Охрана, уберите с дороги этого сумасшедшего, немедленно!

Несколько человек в чёрных костюмах подбежало было к указанному человеку, но почему-то не только не скрутили его, но и молча встали на его защиту.

– Это ещё что за номер? – Жук сам поспешил к замершему ковшу. Подбежав ближе, он резко изменился в лице и попятился назад.

– Ой, Павел Никанорович, это Вы? Откуда?

– Я здесь потому, что мне позвонила моя дорогая внученька Маша. Она рассказала о безобразии, которое ты тут устроил от имени Бетониуса и попросила помощи. Скажи, Жук, как тебе вообще в голову пришло использовать радиацию? – грозным голосом проговорил Скопарь, а это был именно он.

Я тоже не сразу его узнала, потому что он сбрил волосы на голове, а на лбу у него была красная точка.

– Н-но, Павел Никанорович, – затрясся Жук. – Вы же сами сказали, чтобы я сделал что угодно, но получил эту территорию для Лукоморья Сити. Вот я и действовал на своё усмотрение, ведь до Вас было не дозвониться больше двух недель.

– По совету своего учителя, которого я встретил в городе Варанаси, я на время оборвал связь с внешним миром и ушёл в пещеру, чтобы познать себя. В покое и умиротворении я оглянулся на свою жизнь и понял, что больше не хочу так существовать. Меня утомила вечная погоня за деньгами и теперь я хочу посвящать много времени своей семье. Если они ещё готовы меня принять.

«Дедушка! Отец! Папа!» – раздались выкрики. К Павлу Никаноровичу из толпы выбежала Маша со своими родителями.

Оттолкнув впавшего в ступор Жука, Скопарь кинулся им навстречу. Семья обнялась и долго так стояла под вспышками фотокамер. Журналисты не теряли времени и транслировали всё это в прямой эфир. Некоторые активисты вытирали слёзы умиления. Наконец, взявшись за руки, воссоединившаяся семья встала перед защитниками Чащобы.

– Дорогие горожане, прошу от имени компании Бетониус и от меня лично, прощения за доставленные Вам беспокойства и неудобства. Заверяю Вас, что Чащоба останется в полной неприкосновенности. Я обязуюсь провести тщательное расследование и наказать виновных, а также очистить территорию от следов радиации с минимальными последствиями для окружающей среды. Даю слово Павла Скопаря.

Толпа ответила ему аплодисментами и радостными криками, люди бросали палки и обнимались. Ничего не понимающий Жук сидел на бордюре и смотрел в даль. Мы с Русал-

ками, Водяным, Озёрным и Ниной Петровной, на радостях начали водить хоровод и петь песни.

Чащоба спасена!

С тех пор прошло две недели. Скопарь сдержал своё слово, и очистил территорию от следов радиации. Я больше не чувствую того непонятного жара от земли. Чащоба ожила, в ней снова гуляли люди. У всех теперь были такие же корбочки, как у Нины Петровны, для измерения радиации. Компания Бетониус снабдила ими всех жителей, чтобы они могли убедиться в успешности очистки. Отовсюду доносился теперь детский смех.

И я поняла как мне его не хватало, я скучала по людям.

Недавно заходила Нина Петровна. Она сказала, что со мной хочет поговорить Маша и поднесла мне к уху черный прямоугольник. Из него послышался взволнованный голос:

– Кира, это Вы?

– Да, Маша, привет. Как поживаешь?

– Отлично! Я звоню, чтобы поблагодарить Вас. Ведь я решила позвонить бабушке, обдумав наш с Вами разговор тогда вечером после собрания. И если бы не этот звонок, то бабушка бы не узнал что здесь творится и не успел приехать. И Чащоба была бы разрушена! Но он сказал, что почувствовал что-то неладное и включил телефон, и как раз в это время позвонила я.

– Это замечательно, Маша! Спасибо тебе огромное! А как

дедушка теперь смотрит на твоё желание стать филологом?

– Ведь это самое главное, Кира, – засмеялась Маша. – Он теперь совсем не против такого моего образования. «А с компанией придумаем что-нибудь», – так и сказал. Мы же вчера сфотографировались вместе, сейчас пришлю фото! А теперь я побежала, у меня занятие в экологическом кружке. До свидания!

– До свидания, Маша! – только и успела сказать я. В трубку уже послышались гудки: Маша умчалась в кружок.

– Вот это новости, одна приятнее другой, – довольно сказала я.

– И не говори. Я так переживала за бедную девочку, – ответила Нина Петровна. – А вот и фото пришло, смотри.

На чёрном прямоугольнике появился рисунок. В центре, на стуле, сидел Павел Никанорович, с уже отрастающим ёжиком волос. Теперь в чертах его лица проскальзывала мягкость. Он держал за руку Машу, стоявшую рядом. За ними стояли, обнявшись, Машины родители. Эта фотография отличалась от той, что я видела у Демида. Было видно, что это любящая семья.

«Вот и славно», – подумала я, – теперь Демид должен быть счастливым».

А сегодня праздничная ночь! День Ивана-Купала, самый любимый праздник моего народа.

Многие люди тоже помнят о нем. По всему парку водят хороводы, жгут костры и прыгают через них. Девушки пле-

тут по два венка и пускают их по воде. Есть у них такая примета – если венки подплывут близко друг к другу, значит скоро встретится суженый.

А я помогаю, соединяю венки, чтобы порадовать девушек. Они довольные убегают обратно к костру. Сегодня я чувствую себя особенно хорошо, наконец-то блинов наелась от души.

К рассвету народ начал расходиться по домам, предварительно тщательно затушив костры и убрав за собой мусор. Я присела на берег и наслаждалась предрассветной тишиной. Издалека заметила Водяного: он медленно брёл в мою сторону.

– С праздником тебя, Кикочка! – радостно сказал он, заходя в болото – А я у братца был. Ох, и закружили меня Русалочки, совсем обессилел, старею наверное. Раньше-то мог всю ночь плясать до упаду.

– И тебя с Купалой, дядя Водя! – помахала я. – Ты теперь как решил – продолжишь работать инспектором Прудовым или переедешь куда?

– Да, продолжу, привык я уже природу охранять. Тут ты, и Озёрный с Лешим рядом, так что буду заходить иногда. А если и ты надумаешь поработать, только скажи, я тебя мигом устрою. Ведь кому, как не нам охранять природу? – сказал Водяной сладко потянувшись и задрёмывая

– Я подумаю, – улыбнулась я.

Небо на востоке окрасилось розовым. Начинался новый

день.

Теперь Вы знаете, что если Вам иногда кажется, что у кого-то в толпе мелькнули хвост, рога или перепонки, то Вам не кажется.